Лица в зеркале конфликта

ТАКОЕ ВОТ КИНО...

Величайшая из всех выдумщиц, жизнь, порой подкидывает сюжеты, какие сочинителям и не снились. Одна из них раскручивается сейчас под крышей столичного Театра-студии киноактера.

Можно сказать, что конфликт в этом театре — вполне «типическое явление в типических обстоятельствах» эпохи первоначального грабительского накопления капитала, именуемой перестройкой. Он как две капли воды похож на «войну за передел мира», что была еще недавно разыграна авантюристами от пера в Союзе писателей России и СССР, пытавшимися завладеть литфондом.

Имущественные страсти кипят сегодня и вокруг киноцентра. И если в первом случае большинство писателей оказались на высоте, явив соотечественникам пример гражданского долга и мужества и не позволив разрушить десятилетиями складывавшийся творческий союз единомышленников, то в Театре киноактера тот же самый принцип «разделяй и властвуй» и метод самозахвата, к сожалению, сработали.

Однако какие характеры выявила сия пьеса! Благородство, самопожертвование, стойкость, верность профессии и святым узам товарищества — одних — и фарисейство, трусость и приспособленчество — других. И иные актеры, коих мы привыкли видеть в образе романтических борцов за справедливость, этаких рыцарей без страха и упрека, вдруг предстали в другом, неожиданном ракурсе. Увы, как оказалось, героя на сцене и перед кинокамерой сыграть много легче, чем в сложной жизненной ситуации остаться нет, не героем — просто честным, порядочным человеком.

Вот выступает по телевидению все еще обворожительная Наталья Фатеева и, улыбаясь своей ослепительной улыбкой, мило рассказывает: конфликт произошел «из-за того, что появился концерн «Мосфильм», который хотел, чтобы наш театр вошел в концерн, и предложил нам свой устав. Нас это не устроило. Коллектив написал свой устав, и мы решили быть самостоятельными. Но знакома Михайлова Кириенко использовала эту ситуацию, создала общество с ограниченной ответственностью, причем незаконно его зарегистрировала, использовав наш театральный устав, не получив разрешения государственного театра и не подписав аренду. Затем, когда концерн исчез, она ввела коллектив в заблуждение. Коллектив лихорадило на протяжении года, она создавала ненормальную атмосферу, и весь театр воспротивился этому. У нее осталось буквально человек около 30 — люди, которых она ввела в заблуждение...»

Снова и снова прокручиваю пленку, вслушиваюсь в интонацию: Бог мой, ну зачем же так — о своей коллеге да еще на миллионы несведомленных, непосвященных в конфликт зрителей? Прочитав кипу документов, тут же ловлю кинозаведу на многих, мягко говоря, неточностях. В протоколах и телеграммах черным по белому зафиксировано ее личное горячее участие и поддержка идей и действий Зинаиды Кириенко и ее сподвижников. Это было! Но теперь она в противоположном «лагере». «Переметнулись» и некоторые другие: у кого-то сдали нервы, кого-то устроила большая зарплата, кто-то вообще привык прислоняться к сильному плечу начальства, неважно — какого. Не исключаю, что кто-то искренне считает свою позицию правильной. Но в любом случае зачем же бросать тень на товарищей, пусть бывших, вся «вина» которых в том, что они хотят иметь свой — независимый и самостоятельный театр?

Чтобы докопаться до сути конфликта, нужно знать историю театра. Без этого не понять, почему его актеры два года назад так страстно и истово начали свою борьбу.

— Наш театр в своем роде единственный, и история его создания тоже необычна,— рассказывает Зинаида Кириенко.— Шла война, театры и киностудии находились в эвакуации — в Алма-Ате и Ташкенте. Там актеры привыкли быть вместе, «кучно», поэтому, вернувшись, решили не расставаться. Им пошли навстречу. В сорок третьем решением Совнаркома СССР был создан Театр-студия киноактера, и ему было передано вот это здание по улице Воровского, являющееся еще и памятником архитектуры и культуры.

В сорок шестом здесь впервые поднялся занавес. Театр дебютировал могучими спектаклями: «Бранденбургские ворота», «Молодая гвардия»... Кстати, фильм еще не был снят, а Герасимов уже поставил спектакль на малой сцене. Это было событие. Конная милиция «защищала» тогда театр от нашествия желающих увидеть спектакль.

— Основателями Театра киноактера были такие корифеи кино, как Сергей Аполлинарьевич Герасимов, Михаил Ильич Ромм, Эраст Павлович Гарин,— продолжает рассказ Кириенко актер Павел Винник.— Почему эти люди связали свою судьбу с нашим театром? Потому что и Герасимов, и Ромм, были прежде всего великие педагоги. Они предложили формулу: институт, то есть ВГИК, — студия — экран. Чего не хватало нашему кино? Ансамблевости. Тот ансамбль, что в свое время определял Малый и Художественный театры, в советском кинематографе и не ночевал, если рядом не стоял большой мастер. Почему успех ждал талантливейшего Сергея Федоровича Бондарчука в «Поединке»? Его же Дымов здесь рождался!

К нашему разговору подключаются другие актеры, вспоминают годы расцвета театра, лучшие спектакли, творческие удачи и, увы, черные страницы его биографии. В 1957 году театр закрыли первый раз — для Дома кино понадобилось здание, потом все-таки прикрепили к «Мосфильму», потом здание передали Госкомкину, потом — театру «Современник», но ему сцена вроде бы не подошла, и здание тогда все же удалось отвоевать. Ведь все актеры были тогда едины — вместе ходили по инстанциям, добирались до самого правительства. Кстати, считают они, тогда порядка было больше: уж если дошли до каких-то решающих инстанций — вопросы решались, не то что теперь. Полтора года бьются во все двери, Елыцину писала и та, и другая группа, резолюции выносили Попов и Лужков, в толку-то!

Тогда все же удалось отвоевать здание, хотя в нем расселились 14 организаций! Правда, самостоятельность театр потерял: стал всего лишь цехом «Мосфильма». Но осталось ядро актеров, на которых держался репертуар, и они, рискуя иногда потерять работу в кино и заработки (а в театре была нищенская зарплата), оставались верны своему театру.

Зинаида Кириенко:

— Первого октября 1990 года на сборе труппы мы узнали, что нас оказывается, хотят ввести в концерн, что еще 28 мая генеральный директор «Мосфильма» Досталь подписал приказ о выделении нас как самостоятельного хозрасчетного театра со своей печатью, со своим счетом в банке. На первом собрании по этому поводу никто ничего не понял. Мы и так были то цех, то студия, то опять цех, то киностудия, то опять цех, то киностудия, то опять цех, то киностуд